

Природа и общество античного Причерноморья

© 2001 г.

КУРГАНЫ ВАРВАРСКОЙ ЗНАТИ V в. до н.э. В РАЙОНЕ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

(Опыт интерпретации)

Богатые погребальные комплексы варварской эллинизированной знати, открытые на Боспоре в основном еще в XIX в., известны в научной литературе довольно неплохо. Практически в любой обобщающей работе, посвященной проблемам истории Боспорского государства или даже шире – всего Северного Причерноморья античной эпохи, можно найти описание сделанных здесь находок или хотя бы краткое о них упоминание¹. Несмотря на это, можно с уверенностью сказать, что полновесным историческим источником данные археологические памятники еще не стали. И дело здесь не только в том, что большая их часть до настоящего времени полностью не опубликована, но и в том, что традиционно они описываются излишне обобщенно в весьма расплывчатых рамках всей массы боспорских погребальных сооружений без должной акцентировки внимания на точной их топографической привязке, точной для данного состояния изученности археологических материалов хронологической атрибуции и вытекающей из анализа погребального обряда и сопровождающего инвентаря этнической интерпретации. Последнее, правда, сделать труднее всего, в том числе и по причине отсутствия в нашем распоряжении материалов, происходящих из многих курганов. Исходя из этого основное внимание в предлагаемой работе будет уделено вопросам топографии и хронологии. Разумеется, в боспорской истории означенного периода остается много неясных, остро дискуссионных моментов. В конкретизации некоторых из них и при этом отнюдь не маловажных, как представляется, могут помочь именно материалы курганов варварской знати.

С методической точки зрения интерес к погребениям туземной аристократии в боспорских некрополях объясняется тем, что, как хорошо известно, в руках вождей варварских племен концентрировались важнейшие нити внешнеполитических и внешнеэкономических связей контролируемых ими объединений². Механизмы греко-варварских связей в этом плане, конечно, не были чем-то исключительным, и роль вождей туземной знати в данном процессе представляется весьма значительной. Исходя из этого можно предполагать, что традиция погребения представителей варварской аристократии в некрополях греческих городов не была случайной, а напротив, являлась закономерным результатом развития контактов этих центров с местными

¹ См., например: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 188 сл., 351 сл., 386 сл.; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.-Л., 1949. С. 267 сл., *Minns E.H.* Scythians and Greeks. Camb., 1913. P. 149 sq.; *Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. B., 1931. S. 148 ff.; *Gajdukevič V.F.* Das Bosphoranische Reich. B., 1971. S. 256 ff.

² См.: *Wells P.S.* Culture Contact and Culture Change. Early Iron Age Central Europe and the Mediterranean World. Cambridge University Press, 1980. P. 7–8, 50.

племенами, все более широким вовлечением туземного населения в орбиту их политических и экономических интересов. Более того, погребения местной знати вблизи греческих городов в известном смысле можно рассматривать как концентрированное выражение связей колонистов с теми или иными варварскими объединениями. Понятно, какое большое значение при этом должна иметь этническая атрибуция погребений, что на настоящем уровне изученности, как уже отмечалось, отнюдь не всегда возможно.

Обращаясь непосредственно к рассмотрению курганных комплексов, необходимо прежде всего отметить, что в районе Боспора Киммерийского сооружение варварских курганов засвидетельствовано для более раннего времени, чем обозначенные выше хронологические рамки. Не исключено, что именно эти глубинные корни в немалой степени способствовали сложению и развитию здесь традиции возведения курганов местной знати после появления на берегах пролива древних греков, что так ярко отличает Боспор от прочих античных центров Северного Причерноморья.

Важным памятником скифской архаики в Восточном Крыму является курган Темир-гора³. В нем кроме интереснейшего набора предметов, орнаментированных в зверином стиле, и прочих находок была обнаружена родосско-ионийская ойнохоя, относящаяся к 40-м годам VII в. до н.э.⁴ Можно напомнить, что возникновение самой ранней греческой колонии в данном районе – Пантикапея, если судить по керамическим находкам, относится к рубежу VII–VI вв. до н.э. или на четверть столетия позднее⁵. Несмотря на расхождение имеющихся датировок, следует заключить, что в любом случае Темир-гора относится к более раннему периоду, чем появление первых апоекий в районе Боспора Киммерийского. Как представляется, возведение данного кургана было связано с существовавшим в это время традиционным маршрутом перекочевков какой-то части скифской орды из Поднепровья через Восточный Крым и Керченский пролив в Прикубанье, где номады располагались на зимние пастбища, имея к тому же прекрасную возможность для эксплуатации местного оседлого населения⁶. Родосско-ионийская ойнохоя в таком случае могла быть занесена на Боспор номадами из тогда уже существовавшего греческого поселения на острове Березань⁷.

На азиатской стороне пролива для VI в. до н.э. известно погребение с довольно богатым набором вооружения и импортным греческим сосудом у Цукур-лимана⁸. М.Ю. Вахтина, изучив комплекс находок, датирует погребение второй четвертью – серединой VI в. до н.э.⁹ Греческие колонии в районе Боспора Киммерийского в это время уже существовали. Наличие комплекса у Цукур-лимана позволяет полагать, что определенная часть туземной знати проявляла интерес к связям с античными центрами Боспора с самого раннего этапа их существования. Хочется, однако, подчеркнуть, что принципиальная грань в процессе развития греко-варварских взаимоотношений, выразившаяся в заметном увеличении числа курганов варварской аристократии в данном районе, приходится на период правления Археанактидов (480–438/37 гг. до н.э.).

³ Яковенко Э.В. Курган на Темир-Горе // СА. 1972. № 3. С. 259 сл.

⁴ Копейкина Л.В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1. С. 156.

⁵ Ср. Сидорова Н.А. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 1962. 103. С. 148; Кузнецов В.Д. Ранние апоекий Северного Причерноморья // КСИА. 1991. 204. С. 33.

⁶ Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155 сл.; Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. I. М., 1980. С. 402.

⁷ Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А., Рогов Е.Я. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси. 1979. С. 78; Вахтина М.Ю. «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж – Белгород, 1991. С. 7.

⁸ Прушевская Е.О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. 63. С. 31 сл.; Ростовцев. Скифия и Боспор. С. 344.

⁹ Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 56.

Рис. Курганы варварской знати V в. до н.э. 1 – Темир-гора, 2 – Баксы, 3 – Куль-Оба, 4 – Ак-Бурун, 5 – Нимфейские курганы, 6 – курган под Кепами (1880 г.), 7 – курган под Фанагорией (1852 г.), 8 – курган на Тузле (1852 г.), 9 – Семибратние курганы, 10 – Уташ

К V в. до н.э. относятся памятники на обеих сторонах пролива (см. рис.). На Керченском полуострове они группируются вокруг двух главных центров – Пантикапея и Нимфея. Л.Ф. Силантьева, исследовавшая нимфейский некрополь, выделила шесть комплексов, для которых характерно наличие ярко выраженных местных черт в погребальном обряде и инвентаре¹⁰. Отдельные находки еще из шести курганов хранятся сейчас в Оксфорде¹¹. Несмотря на то, что эти курганы порой считаются скифскими, лишь три из них (№ 1, 4 и 6) определенно содержат негреческие черты обряда и особенности погребального инвентаря. Таким образом, можно считать, что под Нимфеем в общей сложности было открыто девять интересующих нас комплексов. Не вдаваясь в детали описания, необходимо отметить, что для этих памятников в основном характерны погребения воинов в каменных плитовых могилах под курганными насыпями. Показательные находки в этой группе – предметы вооружения, золотые нашивные бляшки, конские захоронения с богатыми наборами бронзовых украшений сбруи и т.п.

Хронологические рамки возведения нимфейских курганов очерчиваются в пределах конца первой половины V – первой четверти или, скорее, начала IV в. до н.э. Наиболее ранняя – сырцовая гробница 14 кургана № 1. Она была полностью ограблена, но по сторонам от нее удалось открыть четыре конские могилы, наборы бронзовых украшений из которых относятся к первой половине или даже первой трети V в. до н.э.¹² Самая поздняя гробница 16 была открыта в сплошной могильной насыпи; ее датировка вызывает некоторые затруднения. Дело в том, что происходящая отсюда бронзовая посуда относится к первой половине V в. до н.э., а аттический чернолаковой килик со штампованным орнаментом на дне – к первой четверти IV в.

¹⁰ Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея. // МИА. 1959. 69, С. 51 сл.

¹¹ См. Gardner E.A. Ornaments and Armour from Kertch in the New Museum at Oxford // JHS. 1884. V. P. 62 f.; Vickers M. Scythian Treasures in Oxford. Oxf., 1979; Черненко Е.В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970. С. 190 сл.

¹² Силантьева. Некрополь Нимфея. С. 86, 87.

до н.э.¹³ Несмотря на явную хронологическую неоднородность вещевого материала, все-таки можно согласиться с Л.Ф. Силантьевой и признать, что бронзовые вазы бытовали долго и попали в могилу вместе со сравнительно поздним керамическим сосудом. Исходя из этого гробницу 16 следует датировать первой четвертью или, может быть, началом IV в. до н.э.

В окрестностях Пантикапея к рассматриваемому периоду относятся следующие памятники: курган, исследованный на мысе Ак-Бурун в 1862 г., погребение на Темир-горе (№ 83), ранние комплексы Куль-Обы и Баксы. При раскопках кургана, расположенного на оконечности мыса Ак-Бурун, в центре насыпи был обнаружен остов лошади, на котором находился великолепный набор бронзовых украшений узды, имеющий много общего с уздечными наборами Нимфейских и Старших Семибратних курганов. Э.В. Яковенко, посвятившая этому комплексу специальное исследование, считает, что его можно датировать временем не позднее середины V в. до н.э.¹⁴

Погребение № 83 было открыто на Темир-горе в 1869–1871 гг. Оно представляет собой кремацию с довольно богатым набором инвентаря: золотой браслет с львиными головками на концах, часть золотого ожерелья с подвесками в виде желудей, другие мелкие золотые предметы, два перстня с резными украшениями и т.д. Э.В. Яковенко считает, что это погребение принадлежит скифской царице и на основании найденной здесь части аттического краснофигурного кратера «мастера Пенелопы» датирует его концом V в. до н.э.¹⁵ Более оправданно будет, по всей видимости, отнести этот памятник к концу V – началу IV в. до н.э.

Ранний комплекс Куль-Обы – это находки, обнаруженные грабителями под плитами пола уступчатого склепа¹⁶. Скорее всего они относятся к погребению, совершенному в могильной яме. Среди этих находок представлена знаменитая золотая бляха в виде фигуры лежащего оленя с изображением на его тулове грифона, зайца, льва и собаки¹⁷. М.И. Артамонов возражал против разделения инвентаря Куль-Обы на две разные хронологические группы¹⁸, однако такое разделение возможно. А.Ю. Алексеев считает раннее погребение Куль-Обы синхронным Солохе, т.е. относит его к концу V в. до н.э. или к 400–370 гг. до н.э.¹⁹ Золотая бляха в виде оленя датируется сейчас еще более ранним временем – первой половиной V в. до н.э.²⁰

В кургане у с. Баксы был обнаружен уступчатый склеп, в котором находился большой деревянный саркофаг. Инвентарь, судя по описанию, не очень богатый, однако в саркофаг был положен железный меч с рукоятью, покрытой золотым листом, а по трем сторонам от него зафиксированы остовы трех коней²¹. Отсутствие единого стиля в украшениях и других предметах сопровождающего инвентаря, найденных здесь, а также потревоженность праха (суставы пальцев погребенного обнаружены в дромосе) заставляют считать, что в склепе были совершены два разновременных захоронения²². К более раннему из них, как считается, относится краснофигурная пелика конца V в. до н.э.²³ Соответственно его можно датировать концом V – началом IV в. до н.э.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Яковенко Э.В. Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. 1970. 124. С. 59; она же. Скифы Східного Криму в V–III ст. до н.е. Київ. 1974. С. 105.

¹⁵ Она же. Погребение богатой скифянки на Темир-Горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 143.

¹⁶ КБН. I. С. XXX–XXXII.

¹⁷ См. Артамонов М.И. Сокровища скифских курганов. Прага – Ленинград, 1966. С. 62; он же. Куль-обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. С. 9 сл.

¹⁸ Артамонов. Сокровища... С. 66.

¹⁹ Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992. С. 148, 156. Прим. 1.

²⁰ Королькова (Чежина) Е.Ф., Алексеев А.Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. Проблемы археологии. Вып. 3. СПб., 1994. С. 106–108.

²¹ ОАК. 1882–1889. С. VI.

²² ОАК. 1882–1889. С. VII; Gajdukevič. Op. cit. S. 277.

²³ Горбунова К.С., Передольская А.А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961. С. 107. Рис. 52; Передольская А.А. Кто же расписал вазу из Баксы // Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 54.

По мнению Э.В. Яковенко, погребения скифской, а при расплывчатости существующих этнических атрибуций правильнее сказать варварской аристократии, характерны только для некрополей городов европейского Боспора, что рассматривается как своего рода феномен²⁴. Однако внимательное изучение старых публикаций заставляет усомниться в обоснованности такой точки зрения и признать, что подобные памятники все-таки были открыты и на азиатском Боспоре, некоторые из них определенно относятся к V в. до н.э. Обращают на себя внимание курган № 2, исследованный под Фанагорией в 1852 г., курган, раскопанный в том же году на Тузле, и погребение, открытое под Кепами в 1880 г. В окрестностях Фанагории была обнаружена сырцовая гробница, в которой находились костяки трех мужчин, облаченных в железные чешуйчатые панцири, с богатым набором вооружения. В специальном отделении гробницы находились костяки шести лошадей, еще пять конских остовов найдены в другой гробнице²⁵. Правда, особой роскошью инвентарь погребений не отличается, так что можно предполагать, что в кургане были погребены представители среднего звена варварской аристократии. Описание погребального обряда и инвентаря кургана № 2 напоминает некоторые комплексы курганов Семь Братьев (см. ниже), которым он, по всей видимости, синхронен. А.К. Коровина не без оснований относил данный комплекс ко второй половине V в. до н.э.²⁶

В кургане, раскопанном на Тузле в 1852 г., была открыта непотревоженная могила с костяками двух лошадей, на которых сохранились богатые бронзовые уздечные наборы²⁷. Детали набора, оформленные в виде головок барсов, баранов, фигур грифонов и т.п., по описанию напоминают аналогичные наборы Семьбратних курганов. М.И. Ростовцев даже высказал вполне допустимое предположение, что некоторые находки из этого кургана опубликованы в «Древностях Восточного Киммерийского», где они фигурируют как детали узды, обнаруженные при раскопках в окрестностях Керчи именно в 1852 г.²⁸ Но даже если это не так, данный памятник безусловно следует датировать V веком до н.э. Тузлинский некрополь, к которому принадлежит рассматриваемый курган, по мнению М.И. Ростовцева, относится к Гермонассе²⁹. Надо сказать, что предположение не лишено оснований, но все-таки Тузла довольно далеко (на 6–8 км) отстоит от Гермонассы, поэтому не исключено, что данный некрополь принадлежал Корокондаме³⁰.

В окрестностях Кеп подобный памятник был раскопан в 1880 г.³¹ Здесь под курганной насыпью находилась сырцовая гробница, перекрытая деревянными плахами, в которой были обнаружены человеческий костяк, остродонная амфора, бронзовые черпак и ситечко, а также множество наконечников стрел. Поскольку названный инвентарь не отличается богатством, то могут возникнуть сомнения в принадлежности данного погребения к разряду памятников варварской элиты. Эти сомнения, однако, вряд ли следует считать вполне оправданными. Дело в том, что гробница была ограблена и наиболее ценные предметы похищены, к тому же рядом находилась вторая сырцовая гробница, «наполненная лошадиными костями», так что достаточно высокий социальный статус погребенного здесь лица очевиден. А.А. Масленников указывал на сходство этого памятника с комплексом 4-го Семьбратнего кургана и соответственно на этническую близость части «верхушки» Кеп к обитателям глубинных

²⁴ Яковенко Э.В. Скифы на Боспоре: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1985. С. 21.

²⁵ Герц К.К. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове конца XVIII ст. до 1859 г. М., 1876. С. 6.; Ростовцев. Скифия и Боспор. С. 350–351.

²⁶ Коровина А.К. Некрополи Синдики VI–II вв. до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 9.

²⁷ Герц. Ук. соч. С. 40.

²⁸ Ростовцев. Скифия и Боспор. С. 351. Прим. 1; см. ДБК. Табл. XXIX, 8–13.

²⁹ Ростовцев. Скифия и Боспор. С. 351.

³⁰ Сорокина Н.П. Тузлинский некрополь // Памятники культуры. Тр. ГИМ. 1957. 26. С. 50.

³¹ ОАК. 1880. С. XII.

районов Синдики³². Датировка этого памятника в пределах середины – второй половины V в. до н.э. представляется очень вероятной.

Как видим, курганы варварской знати начинают возводиться в окрестностях боспорских городов по обеим сторонам пролива приблизительно с конца первой половины V в. до н.э. Но сама по себе констатация этого факта вряд ли может отвечать потребностям современной науки, равно как и безусловно верная трактовка перечисленных памятников с точки зрения проникновения выходцев из варварской аристократии в состав боспорской элиты, которую отличал смешанный характер этнического состава. В основной концепции, которая сложилась ранее, как представляется, в настоящее время могут быть намечены некоторые коррективы или смещены акценты³³.

Курганы местной аристократии следует рассматривать не просто как эффективные погребальные сооружения со своеобразным смешением греческих и туземных черт обряда, а как памятники своей эпохи. Углубленное их изучение при четкой постановке задач, разработке методики исследования на уровне интерпретации и т.п. может привести к получению достоверной исторической информации по целому ряду остро дискуссионных проблем. Разумеется, выработка методики подобного научного подхода не проста; тем не менее, можно предложить для обсуждения несколько взаимосвязанных и в общем достаточно очевидных принципов использования названных памятников при исторических реконструкциях.

1. Курганы принадлежат варварской племенной аристократии при самых широких пределах их возможных этнических и социальных атрибуций. Следовательно, эти памятники отражают контакты греческого центра, в окрестностях которого они расположены, с туземным миром.

2. Топографическое положение курганов около боспорских городов неслучайно. Появление их в V в. до н.э. представляет собой результат как общего развития греко-варварских взаимоотношений в регионе, так и конкретных связей данного античного центра с тем или иным туземным «народом». В этом отношении если бы курганы V в. до н.э. были насыпаны не под Нимфеем, а, к примеру, под Мирмекием или Тиритакой – наше понимание истории Боспора этого времени должно было бы существенно трансформироваться.

Любопытно, что именно около Тиритаки было открыто впускное курганное погребение, которое считается либо таврским, либо скифским³⁴. По набору инвентаря оно вполне рядовое, и отнести его к разряду погребений племенной аристократии нет ни малейшей возможности. В плане поставленной проблемы этот памятник имеет значение как показательный «негативный» пример, говорящий о том, что рядовое туземное население могло проживать в любом боспорском городе, о чем свидетельствуют прежде всего материалы лепной керамики, а выходцы из социальной верхушки предпочитали лишь некоторые наиболее крупные центры. Э.В. Яковенко безусловно права, когда пишет, что «скифская знать предпочитала жить постоянно или периодически в самых крупных и значительных центрах Боспора»³⁵, но принципиально важно знать – в каких именно и на каких хронологических отрезках.

3. Самоочевидно, что дата возведения курганов имеет важнейшее значение при использовании археологических материалов в исторических реконструкциях. К примеру, если бы те же самые Нимфейские курганы датировались второй половиной

³² Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 36–37.

³³ Предварительные публикации по данному вопросу см. Виноградов Ю.А. О курганах варварской знати V–III вв. до н.э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 38–40; *он же*. Некоторые вопросы интерпретации погребений варварской знати в районе Боспора Киммерийского // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994. С. 72–76.

³⁴ См. Безсонова С.С. Таврське поховання з некрополя Тірітаки // Археологічні дослідження на Україні. IV. Київ, 1972. С. 106–107; Яковенко Е.В. Нові досягнення боспорознавства і проблема скифів Східного Криму // Археологія. 1980. 33. С. 51.

³⁵ Яковенко. Скифы на Боспоре. С. 21.

IV в. до н.э., в их интерпретацию и соответственно в понимание боспорской истории этого времени необходимо было бы внести некоторые существенные коррективы.

4. Греческий центр, около которого группировались курганы, по всей видимости, проводил независимую внешнюю политику по крайней мере в такой немаловажной ее части, как контакты с варварским миром.

5. Этот центр в силу тесных контактов с определенным туземным объединением обладал немалой военной силой в лице союзных варваров. Это могла быть реальная дружина, приходившая в город со своим вождем, или же просто потенциальная поддержка данного центра со стороны какого-то варварского племени или объединения в случае возможного военного конфликта. Последнее, думается, имело не меньшее значение. В настоящее время трудно говорить с определенностью о реальном положении племенной аристократии в греческих государствах Боспора. Л.Ф. Силантьева считала, что отдельные представители местной знати, имея общие интересы с греческим населением, переселялись в города, так сказать, на постоянное место жительства³⁶. Пребывание в городе богатых и влиятельных предводителей варварских объединений при всех выгодах для греков такого положения, однако, могло таить в себе и некоторые опасности. Полибий не без основания писал, что «люди рассудительные не должны вводить в свой город слишком сильный гарнизон, наипаче гарнизон из варваров» (II. 7. 12). В принципе, вполне можно предполагать, что приходы варварских вождей со своими дружинами были периодическими, и курганы местной знати около боспорских городов в этом отношении представляются своего рода аналогом рассказу Геродота о приходах в Ольвию царя Скила (IV. 78–79). Однако под Ольвией курганов, подобных боспорским, до сих пор не обнаружено, так что последняя точка зрения представляется все-таки менее обоснованной, хотя и вполне допустимой. Более вероятно, что племенные предводители проживали в некоторых греческих центрах Боспора постоянно. Потенциальная опасность подобного положения, надо думать, снималась специальными договорами, в частности, запрещавшими вход в город без особой надобности местных вооруженных отрядов (ср. Herod. IV. 78).

6. Военная сила союзных варварских племен могла использоваться в борьбе с другими, враждебными грекам местными племенами. Совсем не исключено, однако, что дружины варваров принимали участие и в защите границ греческих государств от посягательств соседей-греков. Вряд ли здесь уместна какая-либо идеализация северо-причерноморских колонистов. Постоянные спутники греческой истории – гражданские войны, рознь, кровавые междоусобицы. В этом отношении борьба греков против греков руками варваров в районе Боспора Киммерийского не представляется чем-то абсолютно невозможным, особенно до и во время создания единого Боспорского государства при ранних Спартокидах. Показательно, что в единственном дошедшем до нас описании военных действий на берегах пролива в древности царь Левкон I приказывает скифам стрелять в спины своих греческих воинов (Polyaen. VI. 9. 4).

Количество посылок, очевидно, можно увеличить, но пока ограничимся шестью приведенными. Исходя из них обратимся в первую очередь к рассмотрению топографии и хронологии названных выше курганных комплексов.

Итак, традиция их сооружения в районе Боспора Киммерийского, как уже говорилось, возникла в первой половине V в. до н.э., очевидно, ближе к его середине. Необходимо подчеркнуть, что это время в истории Северного Причерноморья отличалось значительным своеобразием, связанным с местной дестабилизацией обстановки, усилением агрессивности скифов, их давлением на античные центры³⁷. В сложной военно-политической ситуации греческие государства Северного Причерноморья вынуждены были вести себя по-разному. Как представляется, боспорские полисы сумели

³⁶ Силантьева. Некрополь Нимфея. С. 95. 96.

³⁷ См. *Виноградов Ю.Г.* Полис в Северном Причерноморье // *Античная Греция*. Т. I. М., 1983. С. 399 сл.; *Толстиков В.П.* К проблеме образования Боспорского государства // *ВДИ*. 1984. № 3. С. 24 сл.; *Виноградов Ю.А., Марченко К.К.* Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // *СА*. 1991. № 1. С. 149 сл.; *Алексеев*. Скифская хроника. С. 118 сл.

противостоять скифскому натиску благодаря объединению своих усилий под главенством Археанактидов (480 г. до н.э.), о власти которых имеется сообщение у Диодора Сицилийского (XII. 31. 1). Мысль о том, что создание объединения Археанактидов было обусловлено внешнеполитическими факторами, была высказана уже достаточно давно³⁸, правда само это объединение традиционно трактовалось как единое государство или даже держава, оснований для чего все-таки недостаточно.

Очень показательно, на мой взгляд, что курганы V в. до н.э. располагались около Пантикапея, Фанагории, Кеп, возможно, Гермонассы и особенно многочисленны под Нимфеем. Все перечисленные центры – это главные греческие колонии, выведенные на берега Керченского пролива³⁹, которые безусловно играли важную роль в боспорской истории рассматриваемого и последующего периодов. Неудивительно, что именно они сумели установить самые тесные контакты с туземными племенами; если же исходить из того, что перечисленные комплексы относятся к погребениям варварской знати, то данные контакты происходили на весьма высоком уровне. Иными словами, важнейшие боспорские центры в это время обладали определенной свободой внешнеполитических связей, по крайней мере в отношении местных племен. С этой точки зрения представление об объединении Археанактидов как о централизованном государстве кажется явно преувеличенным. Лучше согласуется с имеющимися материалами иное толкование: объединение Археанактидов возникло и существовало как военный, оборонительный союз нескольких или, возможно, всех боспорских полисов, направленный на отражение скифского натиска. В защите границ Боспора Киммерийского от этой угрозы, как представляется, принимали участие военные силы боспорских полисов, а также и контингенты союзных им варваров.

Гипотеза о союзе боспорских городов под главенством Археанактидов в сравнительно недавнее время была развита Ю.Г. Виноградовым и поддержана рядом исследователей⁴⁰. Признавая важный вклад этих авторов в разработку одной из важнейших проблем отечественного антиковедения, необходимо отметить, что в их построениях, наряду с фактом признания существования симмахии боспорских полисов во главе с Археанактидами, акценты в ущерб подчеркиванию федеративного ее начала все-таки сильно смещены на вопросы централизации, тиранической природы правления Археанактидов, перерождения симмахии в тираническую державу и т.п., о чем нет решительно никаких свидетельств ни в письменной традиции, ни в археологических материалах. Думается, что немалую роль в этом смещении акцентов сыграл привычный стереотип видеть в Археанактидах первую династию единого Боспорского государства.

Симмахии, как показывает исторический опыт, очень недолговечны, – они либо распадаются под действием центробежных сил, либо перерождаются в гегемонию одного центра или тиранию одной личности над входившими в союз полисами⁴¹. На Боспоре после отражения скифской агрессии и общей стабилизации обстановки в регионе, что, как представляется, произошло приблизительно в третьей четверти V в. до н.э.⁴², в союзе полисов произошли какие-то кризисные явления, которые в конечном

³⁸ См. *Латышев В.В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 71; *Гайдукевич.* Боспорское царство. С. 44–45; *Каллистов Д.П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 197; *Блаватский В.Д.* Архаический Боспор // МИА. 1954. 33. С. 39.

³⁹ См. *Виноградов Ю.А.* К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. 9. С. 79 сл.; *он же.* О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 65 сл.; *он же.* Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 153–154.

⁴⁰ *Vinogradov Ju.G.* Die historische Entwicklung der Polis in der nordlichen Schwarzmeergebietes in 5. Jahrhundert v. Chr. // Chiron. 1980. 10. S. 64 ff.; *Виноградов Ю.Г.* Полисы... С. 416 сл.; *Толстиков.* К проблеме... С. 25 сл.; *Шелов-Коведлев Ф.В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 63 сл.

⁴¹ *Шелов-Коведлев.* История Боспора... С. 72.

⁴² *Виноградов, Марченко.* Ук. соч. С. 151 сл.

счете привели к приходу к власти Спартокидов (438/37 г. до н.э.) и постепенному созданию единого государства под их управлением. Скорее всего создание Боспорского царства происходит уже в конце V – начале IV в. до н.э. при Сатире I – Левконе I⁴³. Логично предполагать, что после таких фундаментальных политических перемен курганы варварской знати стали насыпать прежде всего под Панतिकоном и, возможно, под Фанагорией – двумя столицами Боспора⁴⁴.

Весьма показательно, что в Нимфее традиция сооружения курганов местной аристократии прерывается приблизительно одновременно с потерей независимости данным полисом. Л.Ф. Силантьева справедливо отмечала, что Нимфейские курганы отражают тот период греко-варварских связей, когда этот центр был «по-видимому, еще независимым от Боспора»⁴⁵. По вопросу о времени захвата Нимфея среди исследователей единого мнения нет, однако логичнее думать, что этот полис был присоединен к Боспору при Сатире в самом конце V в. до н.э.⁴⁶ Напомним в этой связи, что самый поздний комплекс с туземными чертами обряда в нимфейском некрополе (гробница № 16) датируется в пределах первой четверти IV в. до н.э. Различия приведенных датировок, учитывая затруднительность более узкой датировки археологических памятников вообще и данного комплекса в частности, не столь значительны. Во всяком случае, трудно сомневаться в том, что присоединение Нимфея к Боспорскому государству непременно повлекло за собой потерю его независимости, а значит и права ведения самостоятельной внешней политики, в том числе и по отношению к местным племенам.

Об этнической принадлежности названных выше погребений туземной знати, как уже отмечалось, на современном уровне изученности вряд ли можно делать какие-либо категорические заключения. Однако погребения около греческих городов азиатского Боспора, судя по их сходству с Семибратними курганами, можно признать синдскими. Априорно выходцам из прикубанской племенной знати можно приписывать и отдельные курганы на европейской стороне⁴⁷. Роль синдов как союзников Археанактидов в отражении скифского натиска, судя по всему, была весьма значительной⁴⁸, и синдские дружины вполне могли появиться и на европейском Боспоре. Сходство нимфейских погребений с комплексами старшей группы Семибратних курганов дает некоторые основания для подобных рассуждений. Логичнее, однако, полагать, что стилистического сходства вещей, происходящих из курганов обеих частей Боспора, все-таки недостаточно, чтобы признать этническое родство погребенных в них вождей. В этом отношении большего внимания заслуживает концепция о скифской принадлежности перечисленных выше памятников Керченского полуострова⁴⁹. Неустойчивость обстановки в степях Северного Причерноморья этого времени, чреватая раздорами и междоусобицами, вполне могла привести к такому положению, что для некоторых скифских племен, родов или их частей греческие государства стали в известной степени ближе, чем степные соотечественники. Отдельные вожди в силу необходимости налаживали и поддерживали самые тесные контакты с греческими центрами, постепенно привыкали к преимуществам цивилизованного образа жизни, красоте

⁴³ Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 125.

⁴⁴ Виноградов Ю.А. О курганах варварской знати... С. 39–40.

⁴⁵ Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея. С. 96.

⁴⁶ См. Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–IV вв. до н.э. М., 1959. С. 70–71; Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 38; Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 113.

⁴⁷ См. Троицкая Т.Н. К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // Изв. Крымского отд. Географического общества СССР. 1957. 4. С. 69 сл.; Масленников. Население... С. 36 сл.

⁴⁸ Толстиков. К проблеме... С. 37 сл.

⁴⁹ См. Гайдукевич. Боспорское царство. С. 277 сл.; Силантьева. Некрополь Нимфея. С. 89 сл.; Артамонов. Сокровища... С. 35; Яковенко. Скифы Східного Криму... С. 61.

греческой культуры и со временем стали проживать в этих центрах (трудно сказать, – временно или постоянно), а значит, еще более сближались с греческой знатью и проникались ее интересами.

Очень важную роль в событиях боспорской истории V в. до н.э., как уже отмечалось выше, сыграли синдские племена. Большое значение в связи с этим приобретает изучение некрополя синдской знати – Семибратних курганов, материалы которых очень важны для датировки других погребальных комплексов азиатского Боспора. Однако хронология самих этих памятников до настоящего времени остается достаточно дискуссионной. Надежно установлено, что к старшей группе относятся курганы № 2, 4 и 5, а к младшей – № 1, 3, 6 и 7⁵⁰. Не вдаваясь в детали, обозначим верхнюю и нижнюю хронологические грани данного некрополя. По датировкам аттической чернолаковой керамики самыми ранними являются комплексы № 2 и 4. Курган № 4 датируется периодом не позднее середины V в. до н.э.⁵¹, а курган № 2 – третьей четверти этого столетия⁵². Наиболее поздним в группе, по всей видимости, является курган № 3, поскольку среди его хорошо датированных материалов известно фасосское амфорное клеймо. По классификации Ю.Г. Виноградова оно принадлежит к первой группе клейм Фасоса, которую он относит к концу V – первой половине IV в. до н.э.⁵³ И.Б. Брашинский предлагал для этой группы клейм более узкую дату – начало IV в. до н.э.⁵⁴ Любопытно, что именно к этому времени относили курган № 3 некоторые видные скифологи⁵⁵. Возможно, эта датировка не вполне верна, и более оправданно будет определить хронологические рамки памятника в пределах первой четверти IV в. до н.э.⁵⁶ Весь курганный некрополь синдской знати, таким образом, можно относить к концу первой половины V – первой четверти IV в. до н.э.

Территориально и типологически Семибратним курганам близка сырцовая гробница, открытая в 1976 г. в районе пос. Уташ. В гробнице с деревянным перекрытием, разделенной на два отсека, были найдены остатки саркофага, украшенного резным орнаментом и инкрустированного слоновой костью. Погребение было ограблено, но сохранившиеся золотые штампованные бляшки, часть ожерелья и пр. дают основание судить о довольно высоком социальном положении лица, которое было здесь захоронено. Е.М. Алексеева обоснованно считает, что склеп у пос. Уташ и ему подобные принадлежали эллинизированной верхушке синдо-меотской знати. Наиболее вероятная дата погребения – конец V – начало IV в. до н.э.⁵⁷

В связи с изложенным хотелось бы обратить внимание еще на одну важную проблему боспорведения, связанную со временем включения Синдики в состав Боспорского государства. Общеизвестно, что царем над синдами в боспорских надписях впервые именуется Левкон I (КБН. 6, ба), который правил в 389/8–349/8 гг. до н.э. Логично ожидать, что подчинение Синдики стало возможным после захвата Феодосии, т.е. не ранее конца 80-х – начала 70-х годов IV в. до н.э.⁵⁸

⁵⁰ Ростовцев. Скифия и Боспор. С. 358; Коровина А.К. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957, № 2. С. 186.

⁵¹ См. Силантьева Л.Ф. Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // Тез. докл. научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1967. С. 47; Билимович З.А. Два таза из Семибратних курганов // СА. 1970, № 3. С. 134; Анфилов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 94.

⁵² См. Силантьева. Семибратние курганы... С. 47; Билимович. Два таза... С. 132. Прим. 35; Анфилов Н.В. Древнее золото Кубани. С. 94; Уильямс Д., Огден Д. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н.э. СПб., 1995. С. 128.

⁵³ Виноградов Ю.Г. Керамические клейма острова Фасос // НЭ. 1972. 10. С. 17, 45.

⁵⁴ Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980. С. 144.

⁵⁵ Артамонов. Сокровища... С. 39; Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983. С. 218.

⁵⁶ Силантьева. Семибратние курганы... С. 47.

⁵⁷ Алексеева Е.М. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 1991. С. 33–34.

⁵⁸ См. Гайдукевич. Боспорское царство... С. 59 сл.; Шелов. Монетное дело Боспора... С. 49; Биватская. Очерки... С. 93 сл.; Шелов-Коведяев. История Боспора... С. 126; ср. Крушкюль Ю.С. Древняя Синдика. М., 1971. С. 109; Анфилов. Древнее золото... С. 91, 100.

Принципиально важную информацию на сей счет могли бы дать Семибратние курганы при детальной разработке их хронологии. Но уже сейчас весьма сомнительной представляется точка зрения А.К. Коровиной, которая считала, что некоторые курганы этой группы (№ 1, 3, 6 и 7) были насыпаны после присоединения Синдики к Боспорскому государству⁵⁹. Как мы старались показать, наиболее поздний из них (№ 3) можно относить к первой четверти IV в. до н.э., когда Синдика скорее всего была еще независимой от Боспора. Приходится опять констатировать очевидную неслучайность близости двух дат – времени самого позднего захоронения в Семибратних курганах и наиболее правдоподобной даты присоединения Синдики к Боспору (80–70-е годы V в. до н.э.). В общем, имеются веские основания считать, что в некрополе синдских царей курганы перестали насыпаться тогда, когда Синдика вошла в состав Боспорского государства и здесь появились новые владыки – архонты Боспора, они же цари синдов⁶⁰.

В заключение хотелось бы обратить внимание на некоторые курганы пантикапейской группы, а именно – ранние комплексы Баксы и Куль-Обы, а также погребение № 83 на Темир-горе. Все они датируются приблизительно концом V – началом IV в. до н.э., т.е. хронологически соответствуют важнейшему периоду боспорской истории – созданию государства Сатира I – Левкона I. Но, кроме того, все они расположены в очень своеобразном и, надо думать, далеко не случайном месте. Топографически названные памятники тяготеют к району переправ через Керченский пролив, – точнее, к пути на эту переправу, где был насыпан самый ранний скифский курган с найденным там греческим сосудом, – месту, овеянному традициями былых, легендарных времен, воспоминания о которых, по всей видимости, еще сохранились. Конечно, возведение скифских курганов здесь имело чисто символическое, возможно, сакральное значение. Никаких политических изменений, связанных с возобновлением скифских передвижений в Прикубанье, в этом факте усматривать нельзя. Сначала объединение Археанактидов, а затем государство Спартокидов установили плотный контроль над районом пролива, перекрыв для скифов их старинный путь, и с этой новой исторической реальностью невозможно было не считаться.

Ю.А. Виноградов

BURIAL MOUNDS OF BARBARIAN NOBLEMEN OF THE 5TH C. BC IN THE AREA OF CIMMERIAN BOSPORUS

Yu.A. Vinogradov

Burial mounds of barbarian noblemen had begun to appear around the Greek cities of Cimmerian Bosphorus since the end of the 2nd half of the 5th c. BC. They are found near Panticapaeum (Ak-Burun-1862, Temir-gora, earlier complexes of Baksa and Kul-Oba), Nymphaeum (9 complexes), Phanagoria (1 complex), Сепое (1 complex) and perhaps Hermonassa (1 complex). These monuments show Greek colonists' interest in establishing connections with the local elite, which ensured them certain political and economical advantages. Barbarian armed forces, obviously, took part in resisting Scythian expansion in the 2nd quarter of the 5th c. BC. The Scythian threat, as it is assumed, caused the consolidation of Archaeanactids (480 BC), sometimes without good reasons regarded as a united state or even a power. Burial mounds of the 5th c. BC sprang up on the territory of the most important Greek poleis of the area. This fact means that they enjoyed freedom of foreign policy, at least in respect of local tribes. This situation contradicts to a solid state structure, but it accords well with the idea of the alliance of Archaeanactids as a union of autonomous poleis. It is significant that burial mounds of barbarian aristocracy first appeared around the capital, Panticapaeum, and in smaller number around the second capital, Phanagoria.

⁵⁹ Коровина. Некрополи Синдики... С. 10.

⁶⁰ Ср. Силантьева. Семибратние курганы... С. 47.